

ПОНЯТИЕ СЛОВА У БАХТИНА И У ФЛОРЕНСКОГО*

ДОНАТЕЛЛА ФЕРРАРИ БРАВО

---

1. Мне не раз приходилось выражать изумление по отношению к некоторым работам о Бахтине, считающим "марксизм" Бахтина не просто оригинальной, а основной стороной его научной деятельности.

Не будем останавливаться на ограниченном и философски незначительном характере марксистской интерпретации мышления Бахтина или на "идеологизации" его теории. Идеологический продукт – это "знак" и поэтому воплощение его, т. е. "слово" – это идеологический знак вообще.

Дело в том, что Бахтин говорит также о "мыслящем человеческом сознании", о "диалоге" и о "художественной модели мира". Безусловно, эти три фундаментальные во всей его теории элемента для Флоренского, пытавшегося создать обобщающий "синтез") сближаются чем-то, что в гораздо большей степени, чем идеология, является носителем универсальных сообщений; мы имеем в виду понятие "слово".

Настойчивость, с которой Бахтин возвращается к понятию "слово", нам кажется гораздо более интересной и значительной по сравнению с русской культурной традицией, хотя бы потому, что представляет собой не аспект-посредник (я имею в виду философскую культуру немецкого происхождения), а

---

* Текст прочитанный на международном конгрессе о Бахтине, который состоялся в Иерусалиме в июле 1987 г.

самородный момент, результат более прочной и глубокой памяти. Итак, "слово" как концепция – вот что нас интересует.

2. Можно с уверенностью заявить, что в русской традиции последнего столетия в таких науках, как поэтика, философия языка, лингвистика, фольклор, семиотика и т. п., "слово" играет главную и определяющую роль, причем, более или менее признанным основателем этой традиции является Потебня.

Что касается семиотики, достаточно вспомнить понятия "текст" и "культура", которые Ю. М. Лотман считает гомологами "слова":

... слово выступает как первоэлемент культуры, а культура как некоторое множество слов [текстов]. Но, с другой стороны, первоэлемент культуры повторяет на низшем уровне в своей текстовой структуре черты культуры как таковой и наоборот. Таким образом, позволяя себе некоторую метафоричность, можно сказать, что культура – это слово [текст], а текст – это культура (Лотман 1980: 3).

Все литературные и критические течения: символисты, футуристы, формалисты, психолингвисты, в первое 20-летие нашего века занимались теорией "слова", хотя и в разном отношении. И даже когда мы имеем дело не с теорией в настоящем значении этого слова, всё же с уверенностью можно сказать, что в истории русской мысли не существует такой области исследования, где "слово" по той или иной причине не находилось бы в центре внимания. "Слово" было первым элементом, на котором построены и поэтика, и философская теория, и метафизика, словом, новая концепция искусства. В связи с этим мы можем привести имена учёных, разных по своим интересам и образованию, таких как Мейер, Белый, Флоренский, Булгаков, Бахтин, Шкловский, Выготский, Якобсон, Винокур, Шпет, Лотман, и другие, все они обязаны литературно-лингвистической концепции Потебни. Эта линия науки, отдающая предпочтение "слову"¹ в различных пред-

---

¹ Видимо, такое почти постоянное внимание к "слову" и к его внутреннему витализму в какой-то мере мешало обработке русскими мыслителями рационалистической философской системы, как это осуществилось западной философией. Эта мысль у меня появилась при разговорах с Н. М.

ставлениях и концепциях мира (что касается предыдущей эпохи, см. например, таких "романтиков", как Шевырева и Гоголя), несомненно имеет также западную или нерусскую подоплёку, как замечает, хотя и с отрицательной оценкой, сам Волошинов (Бахтин). Вспомним ведическую теорию слова, теорию логоса древнегреческих мыслителей и библейское понятие *Verbum*.

Теория литературы Бахтина, несомненно, имеет аналогию с теорией Потебни. В самом деле, Бахтин, как и Потебня, ставит в центре своей теории понятие "слово" (Потебня 1894, 1905).² Достаточно вспомнить некоторые терминологические аналогии, не говоря уже о концептуальных, которые ясно доказывают их происхождение. Возьмем для начала понятие "структура слова" у Потебни. Здесь выражение может показаться расплывчатым, но, при его использовании, сразу же приходит на память "семантическая структура слова" Бахтина (Бахтин 1975: 158). По мнению Потебни литературное произведение, так же как и фольклористическое, имеет аналогичную структуре "слова" структуру:

... в слове мы находим те же самые элементы, которые встречаются в более сложных произведениях словесности (Ferrari Bravo 1980: 573).

Таким же образом и Бахтин идентифицирует "слово" с частью и одновременно с целым, т. е. с художественным произведением. Потебня говорит об "образе", или "представлении", всегда относительно и к "слову", и к художественному произведению; это понятие всплывает в выражение Бахтина "образ идеи" (Бахтин 1972: 130-131). И наконец, не следует забывать, что Бахтин в значительном мере попадает в философское восходящее к Гумбольдту течение, т. е. в эволюционный витализм, связанный с теориями, выделяющими динамический и творческий момент "слова" [*energeia*]; эту близость подтверждает и сам Бахтин, когда приводит имена Гум-

---

Каухчишвили, которой я здесь выражаю свою благодарность. См. Kauchtschischwili 1987: 124-125.

² В текстах Потебни встречаются те понятия, к которым Бахтин ссылался, а именно *структура слова* с ее составными элементами (среди которых содержание и образ или представление), *энергея*, *деятельность*.

больдта и Потевни в произведении, подписанном Волошиновым (Волошинов 1929: 59-60).

Итак, "слово" у Бахтина многообразно; это микрокосмос (с литературной точки зрения) и макрокосмос (с философской точки зрения), точно так же, как это было у Потевни и позже у Флоренского, который посвятил проблеме "микрокосмос/макрокосмос" вполне исчерпывающие страницы (Флоренский 1923: 233-241). Но возможно, что "слово" — это также метафора, если учесть в какой мере она связана с двумя другими важными понятиями, т. е. "множественность" и "самостоятельность" сознания (Бахтин 1972: 7, 8, 9, 11, 37). В этом плане мы близки уже к концепции Флоренского так же и по поводу понятий "идея" и "сознание"; вспомним, например, *Смысл идеализма* (1914), где эти два понятия, которые встречаются и у других мыслителей начала века, например, у Белого и у Иванова, оказываются центральными.

Термин "слово" приводится почти в каждом разделе или главе работ Бахтина. Создается впечатление, что это понятие широко применяется как в самой литературе, так и в литературной теории. "Слово" одновременно представляет собой объект и метод исследования. Но это не всё. "Слово", кроме своих многочисленных и многообразных проявлений в узколитературном плане, существует и означает и нечто гораздо более обширное, почти всеохватывающее, и точку схождения объективных и субъективных элементов в вечной полифонии сознающих и рассуждающих "я". "Слово", наконец, — это форма диалогической жизни, форма миропредставления (таким же оно было у Флоренского и потом у С. Булгакова). В этом смысле, слово, следовательно, перемещается с литературного плана на философский или, допустим, даже на идеологический.

Жизнь "слова" — это жизнь человека. Не случайно Бахтин утверждает, что он рассматривает язык не как систему абстрактных грамматических категорий, а как "идеологически насыщенную" действительность, как концепцию мира. Это означает, что "слово" принимается не в узколингвистическом смысле, а как синоним "высказывания, речи", т. е. как металингвистический факт:

Слова и формы как аббревиатуры или представители высказываний, мировоззрений, точек зрения и т. п., действительных или возможных... (Бахтин 1976: 142).

Под металингвистическим мы подразумеваем то изучение "слова", выходящее за рамки его лингвистической материальности. По Бахтину понимание слова осуществляется только в металингвистическом плане. У него это происходит в социально-идеологическом смысле, а у Флоренского и Булгакова в метафизико-теологическом. Бахтин подвергает критике два течения лингвистики XX века (по его мнению самые главные), т. е. "индивидуалистический субъективизм" (Фосслер) и "абстрактный объективизм" (Соссюр). По его мнению, истина

находится не на золотой середине и не является компромиссом между тезисом и антитезисом, а лежит за ними, дальше их, являясь одинаковым отрицанием как тезиса так и антитезиса, т. е. являясь диалектическим синтезом (Волошинов 1929: 98)

Не будем останавливаться на той непринужденности, с какой Бахтин манипулирует и одновременно принижает один из главных инструментов гегелевской диалектики. Однако, в этом отношении "слово" не является ни "иностранным" и "авторитетным" словом лингвистов-филологов "абстрактного объективизма", ни творческим и виталистическим, "живым" и "динамичным" словом лингвистов "индивидуалистического субъективизма" (Волошинов 1929: 97). "Слово" Бахтина имеет все те черты, которые приписали ему лингвисты "индивидуалистического субъективизма" (*energeia*) за исключением того, что оно должно приниматься не как индивидуальное явление, а как "чисто социальная структура" (Волошинов 1929: 118). "Слово" является родным, виталистическим, переменчивым, творческим, динамическим, поливалентным, полным энергии. В той мере, в которой оно находится в диалогическом измерении, оно выходит за индивидуальный опыт в процессе непрерывного развития, как "поток" генеративной коммуникации. Синтез, предлагаемый Бахтиным, является именно металингвистическим, и без него невозможно понять "слово"; металингвистика действительно изучает:

... слово не в системе языка и не в изъятом из диалогического общения "текста", а именно в самой сфере диалогического общения, т. е. в сфере подлинной жизни слова... Оно никогда не довлеет одному сознанию.

Флоренский и Булгаков также приходят к синтезу металингвистического типа (Бахтин 1972: 345-346): "слово" приобретает два измерения: индивидуальное и общее. Синтез Флоренского (не гегелевского типа) заключается в том, что "слово" рассматривается одновременно объективным и субъективным; объективным – потому, что представляет бытие, субъективным – потому, что оно живет в сознании человека. И, наконец, оно является мировым, потому, что служит для познания мира. Отсюда вытекает онтологическая и гносеологическая природа "слова":

слово это плод общения познающего духа и познаваемого мира (Флоренский, *Имеславие*).

У Бахтина встречается много более или менее однозначных определений слова. Важен объект, с которым "слово" поддерживает отношения диалога, например, герой, автор, литературные приемы, поэзия, проза, объект, лингвистика, искусство, религия, идеология, индивидуальное сознание, общее сознание, идея, диалог. Такое разнообразие сфер воздействия доказывает, что проблематика "слова" действует также на разных уровнях, часто разнородных, но тем не менее соотносимых в идеологическом плане, а именно – в плане поведения отдельных идеологических сфер. Но я думаю, что не говоря уже о путях, пройденных "словом", важен тот глубокий приданный ему Бахтиным смысл, который приобретает слово в более широком плане точной эпистемологии, где утверждается онтологическая природа "слова", так же как у Флоренского и у Булгакова.

А именно, в этом плане легче установить принципиальную аналогию с концепцией Флоренского и в определенном смысле также Булгакова. В самом деле, у Флоренского "слово", несмотря на аспекты и функции, связанные только с его узко лингвистической стороной, имеет последнее и высшее значение, хотя и в другом смысле, чем у Бахтина, у которого оно тоже является последним и высшим. Как мы уже видели, у Бахтина "слово" раскрывается в металингвистическом плане, у Флоренского (также как и у Булгакова) в теологическом (в более широком смысле этого термина, действительно, Флоренский был нечто больше, чем богослов, он был *maître à penser*). Но как в одной, так и в другой интерпретации, "слово" связано с "сознанием", с "тем сознанием" – пишет Толстой –

без которого немыслимо никакое представление о человеке..."

Одним из самых важных и в тоже время самых характерных моментов в теории слова Бахтина являются те отношения, которые слово устанавливает с понятием "сознание" и в некоторых местах – с понятием "идея", не говоря уже о понятии "идеология". Эта тема повторяется не только в анализе поэтики Достоевского, но также в теоретических рассуждениях, встречающихся в книгах *Вопросы литературы и эстетики* (1975) и *Эстетика словесного творчества* (1979). Я не буду сейчас затрагивать проблему часто неопределенных отношений между понятиями "идея" и "идеология". Во всяком случае, "идея", также как и "идеология", считается гомологом "слова":

Идея – это живое событие, разыгрывающееся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний. Идея в этом отношении подобна слову, с которым она диалектически едина (Бахтин 1972: 147).

"Сознание", со своей стороны (всегда как диалогический факт, так как диалог во всяком анализе у Бахтина фундаментален), также считается гомологом "слова" в том смысле, что и то и другое являются "многоречевым" и "многоязычным" (Бахтин 1976: 88):

... открытие человека-личности, и его сознания (не в психологическом смысле) не могло бы совершиться без открытия новых моментов в слове... (Бахтин 1979: 317).

Это положение не слишком отличается от положения Флоренского. Действительно, "диалог" и человеческое "сознание" представляли для него основу понятия "слово".

Такой же тип соотношения "сознание"/"слово" предложен как неизбежный и другим выдающимся русским учёным 20-х годов, Выготским. Он считал, что природа "слова" может быть исследована во всей своей полноте только в контексте более широкой проблемы, т. е. общей проблемы "сознания":

Слово и есть в сознании то, что, по выражению Фейербаха, абсолютно невозможно для одного человека и возможно для двух (см. "диалогичность" Бахтина). Оно есть самое прямое выражение исторической природы человеческой сознания.

Сознание отображает себя в слове, как солнце в малой капле вод.

Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания (Выготский 1956: 383-384).

Тесные отношения между "словом" и "сознанием" выводятся Бахтиным на первый план и с общей точки зрения философии языка (Волошинов 1929: 22). Такое сближение особенно относится к природе этих двух понятий:

Слову принадлежит ещё одна в высшей степени важная особенность, делающая его преимущественным медиумом индивидуального сознания... слово стало знаковым материалом внутренней жизни – сознания (Волошинов 1929: 22).

Это соотношение между "словом" и "сознанием" представлено, как мы уже видели, в книге *Марксизм и философия языка* Волошинова (Бахтина) также под углом "идеологии":

Сознание становится сознанием только наполняясь идеологическим, т. е. знаковым содержанием (Волошинов 1929: 18).

И затем:

Если мы лишим сознание его знакового идеологического содержания, от сознания ровно ничего не останется. Сознание может приютиться только в образе, в слове, в значащем месте и т. п. (Волошинов 1929: 20).

В итоге проведённого анализа можно заключить, что три понятия, на которых сконцентрирована теория Бахтина, т. е. "слово", "сознание" и "идея", имеют очень тесные точки соприкосновения с этими же самыми понятиями у Флоренского. Очень интересным представляется также тот факт, что так называемые "марксистские" понятия "идеология" и "идеологический" встречаются только у Волошинова-Бахтина, там где речь идёт о "слове"/"сознании". Адаптация понятия "идеология" (в совершенно отрицательном понимании, которое этот термин имел у Маркса) стала возможной благодаря смешению понятий "идея" и "идеология". Это привело к неизбежным поправкам, довольно значительным, которые, косвенным способом, практически лишили его первоначального догматизма.

3. На основе этих гомологий в игру вступают элементы, которые касаются не механизмов художественного творчества, а те, которые действуют в глубинах человеческой психики. Именно на этих более абстрактных и менее словесных уровнях философия слова Бахтина приближается к философии Флоренского, хотя проблематика обоих часто отправляется от "слова", как конкретного объекта, рассматриваемого в лингвистическом значении. Возьмём к примеру статью *Строение слова* (1922) (однако, постановка данной проблемы относится к предшествующим работам),³ в которой исследуется (см. Лекция и *Lectio*)⁴, внутреннее и внешнее строение "слова", проблема говорящего и слушающего (отправитель и адресат), и в которой ещё раз проявляется постоянное присутствие философии Потебни особенно там, где говорится об отношении "слова" к мифу. Мы можем утверждать, что философия Потебни в какой-то мере составляет общую базу соответствующих положений.

Таким образом, так же у Бахтина осуществляется переход от конкретности "слова" (Бахтин 1976: 62) в литературном тексте к металингвистическому измерению "слова", а затем возврат, на уровень конкретности, у Флоренского происходит переход от чисто лингвистического аспекта "слова" к металингвистическому, в данном случае к символическому и кабалистическому.

В этой связи нам кажется очень интересной другая работа Флоренского 1922 г., посвященная "слову" в его различных аспектах, лингвистических и металингвистических, под названием *Магичность слова*.⁵ Точка зрения, с которой рассматривается "слово" (а также тот факт, что оно занимает центральное место в мышлении Флоренского), напоминает неко-

³ Здесь имеется в виду статья *Строение слова* (1922), которая является основным этапом его научного мышления. Несомненно, с нашей точки зрения, важны и другие предыдущие работы, как например *Столп и утверждение истины* (1914) и *Смысл идеализма* (1914).

⁴ Это – записки для университетского курса по философии 1910-1913. См. Kauchtschischwili 1986: 321-389.

⁵ Здесь вспоминаем статью Белого с тем же названием, где имеются многие и замечательные понятия, аналогичные не только с текстом Флоренского, но и с направлением русского мышления от Потебни до Лотмана, одним важным этапом которого признается, например, известная статья Шкловского *Воскресение слова* (1914).

торые положения Бахтина. Проблема, на которой сосредоточен анализ Флоренского, относится к "семеме слова", и его позиция очень близка к пониманию "слова" по-Бахтину.

Прежде всего в ней затронуты "процесс семемообразования" и "поток живой речи", а это означает (как и у Бахтина), что слова находятся в постоянном движении. Для Флоренского важным является:

.... антиномический склад слова: извне мною полученное, взятое мною из сокровищницы народного языка, чужое творчество, в моем пользовании оно заново творится мною, снова и снова становясь in statu nascendi... (Флоренский 1985: 28).

В пределах кругозора мышления Бахтина невозможно не заметить тот интерес, который Флоренский придаёт отношению с "другим", с адресатом, даже если диалог в этих рамках выступает в одном направлении, просто как передача сообщений от человека к человеку. Эта концепция вновь всплывает на страницах работы 1913 г., *Имеславие, как философская предпосылка*, где утверждается:

Слово – человеческая энергия, и рода человеческого, и отдельного лица – открывающаяся чрез лицо энергия человечества. Но предметом слова или его содержанием в точном значении нельзя признавать самую эту энергию: слово как деятельность познания выводит ум за пределы субъективности и соприкасается с миром, что по ту сторону наших собственных психических состояний. Будучи психо-физиологическим, слово не дымом разлетается в мире, но сводит нас лицом к лицу с реальностью и, следовательно, прикасаясь к своему предмету, оно столь же может быть относимо к его, предмета, откровению в нас, как и нас – ему и пред ним (Бонецкая 1986: 121).

Итак, "слово" для Флоренского обладает коммуникативной функцией и, с одной стороны, вписывается в процессе выражения, с другой стороны, в процессы приёма и восприятия. "Слово" – это "живая" сущность, которая вступает в отношения с "живым" существом, с человеком. Кроме того, "слово" определено как "энергия" (слово энергетично), как метод концентрации, как конденсатор (слово-конденсатор) воли, внимания всей духовной жизни. Отсюда к теории диалога Бахтина, как мне кажется, всего один шаг.

Цитаты Флоренского были выбраны почти произвольно. То же самое можно сказать и о других цитатах Бахтина, например:

Высказывание никогда не является только отражением или выражением чего-то вне его уже существующего, данного и готового. Оно всегда создает нечто до него никогда не бывшее... (Бахтин 1976: 142)

или:

У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого (Бахтин 1979: 312)

или ещё:

Слово не вещь, а вечно подвижная, вечно изменчивая среда диалогического общения. Оно никогда не довлеет одному сознанию, одному голосу. Жизнь слова – в переходе из уст в уста, из одного контекста в другой контекст, от одного социального коллектива к другому, от одного поколения к другому поколению (Бахтин 1972: 345).

Я, конечно, не претендую на то, что таким образом ответила на все вопросы сравнительного анализа и тем более, что этими краткими заметками – или лучше сказать соображениями – смогла разрешить проблему так называемых культурных посредников, лежащих в основе отношений между учёными различных областей в полном неожиданностей и трудном для понимания культурном контексте России 20-х годов. Эти отношения чрезвычайно заманчивы и заслуживают глубокого анализа и не только, чтобы показать, что и в какой мере Бахтин перенял у Флоренского непосредственным или косвенным путем. Проблема гораздо сложнее в том смысле, что, кроме Бахтина и Флоренского, она вовлекает многих других представителей той далекой и славной эпохи, причем не следует забывать о том, что нередко различает их в философском плане.

В самом деле, если мы спросим себя, какую функцию выполняет "слово" в виталистической продуктивной линии теории Флоренского и Бахтина, следующих Гумбольдту и Потетне (см. его понятие "внутренняя форма"), то нельзя не заметить, какое разное место занимает у обоих понятие "истины" и

“подлинности” по отношению к противоположным понятиям “не истины” и “не подлинности”. Эти понятия относятся к антиномии “свобода/необходимость” у Флоренского (Флоренский 1986) и к антитезису “диалогизм/монологизм” у Бахтина. Итак, у Флоренского истина находится вне “слова”, или, лучше сказать, только посредством “слова” индивидуум может приблизиться к бытию и познать его, то есть, действительность и мир, которые он идентифицирует с религиозной истиной. А Бахтин помещает истину и подлинность в само “слово”, живое, многозначительное, диалогическое и продуктивное причем в строго светском и антиметафизическом положении (Clark, Holquist 1984: 136).

Что же касается вовлечения в эту дискуссию других учёных той же эпохи, то на память непроизвольно приходит работа Флоренского *Магичность слова*, где имеются многочисленные намёки на вопросы, по-разному обсуждавшиеся в то время в печати, особенно по отношению к понятию *Verbum*, как изначальному опыту человека. Имеется в виду, например, книга богослова С. Булгакова *Философия имени*. (см. главу *Что такое слово*). В ней мы можем найти некоторые основные идеи Бахтина и Флоренского, такие как 1) онтологическая природа слова; 2) виталистическая концепция [*energeia*]; 3) символический характер слова; 4) мировой и космический характер слова.

Булгаков, как и Бахтин, критикует определение “слово” филологами-лингвистами и философами. И те, и другие “не сонают слово” (Булгаков 1953: 8). Необходимо изучать не происхождение слова или то, как оно составлено и преобразовано, а его сущность, *to ontōs on* слова (Булгаков 1953: 7). “Слова”, как и мышления, не имеют генезиса, не возникают, но суть (Булгаков 1953: 19). Это утверждение повторяется много раз и всегда как основная аксиома: “Слова... в каком-то смысле суть сами вещи как смыслы” (Булгаков 1953: 26); или ещё: “они (слова) ... суть как бы силы природы, которые себя проявляют или осуществляют” (Булгаков 1953: 30). Эта проблема сущности, онтологии слова,⁶ т. е. онтологическая природа, приводит, как к неизбежному выводу, к тезису, что

⁶ См. Булгаков 1953: относительно к проблеме “существования (слов)” с. 25, 44, а также примечания 16 и 29 к тексту; относительно к проблеме “чем являются слова” с. 23 и следующие.

слова являются самостоятельными, не сотворенными человеком, они сами утверждают и говорят: "слова рождают сами себя ... слова сами себя говорят" (Булгаков 1953: 30). Этот неизбежный вывод в свою очередь связан с мировым и космическим характером слова, который вместе с виталистической концепцией и с символическостью слова, отвечает на другой фундаментальный вопрос, "что такое слова, что они представляют" (Булгаков 1953: 23 и след.). Чтобы ответить на такие вопросы Булгаков предлагает целый ряд определений, в которых среди двух аспектов языка предпочтение отдается его объективному и мировому характеру, но в то же время ни на минуту не забывается и индивидуальная перспектива (микрокосмос индивидуума), которая разрешается не на психологическом, а на антропологическом уровне, что доказывается его настойчивостью на понятии "бытие" (Булгаков 1953: 24, 30). Кроме того, Булгаков применяет другой тип синтезиса относительно двух возможностей восприятия "слова", т. е., как *signa* или как *realia*, потому что он связывает символичность ("слова суть символы") с тем фактом, что слова также и живые и каким-то образом связаны с опытом, т. е. входят в категорию *realia* :

Сказать, что слова суть символы, это значит сказать, что в известном смысле они живы (Булгаков 1953: 26)

или:

Символизм есть больше, чем философское учение, он есть целое жизнеощущение, опыт (Булгаков 1953: 26).

Этот виталистический аспект является базой мирового и космического измерения слова. В самом деле, посмотрим, как Булгаков определяет слова, чем он их считает:

Слово есть мир ... Слова ... живы, ибо в них присутствует мировая энергия, мировой логос ... Слова-идеи суть голоса мира. Слово – идеация космоса ... Содержание слова есть космическая идея. (Булгаков 1953: 23, 25, 26, 30).

Итак, в "слове" сосредоточены символичность, витализм, энергия идеации мира, космическая идея, "слово вспыхивает в сознании человека" (Булгаков 1953: 24, 30), понимаемом как микрокосмос, но в то же время оно является космическим и мировым.

4. Прежде чем закончить, я бы хотела добавить, что близость семиотических теорий Бахтина и Флоренского не ограничивается проблемой "слова". Она затрагивает также понятие "хронотопа", которое использует Флоренский, хотя он употребляет традиционную терминологию "пространство" и "время" (Флоренский 1967, 1972, 1982). То же самое относится и к другим понятиям, включая те, о которых мы упоминали выше. Я ограничусь лишь их перечислением: противоположность внутреннее/внешнее (относится к внутренней форме "слова"), язык, форма, сознание; а также такие, далеко не второстепенные понятия, как "границы", отношения между художником и потребителем, предпочтение диалектической перспективы в ущерб статической и, наконец, диалогичность.

Идеи Бахтина о культуре и об истории пронизаны особым философским оптимизмом (мы совершенно согласны с Сегалом), где "я" никогда не одиноко, потому что находится в постоянном диалоге с другим "я". Тот же диалогический подход отличает и творчество Флоренского, хотя, в этом случае, "другое я" в достижении космических размеров идентифицируется с "другим я", с божественным "я" или, в конечном итоге, с истиной.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бахтин М. М.

- 1972 Проблемы поэтики Достоевского. Москва, Художественная литература 1972.
1975 Вопросы литературы и эстетики. Москва, Художественная литература 1975.
1976 Проблемы текста. — Вопросы литературы (1976) № 10, 122-151.
1979 Эстетика словесного творчества. Москва, Искусство 1979.

Булгаков С.

- 1953 Философия имени (1942). Париж 1953.

Бонецкая Н. К.

- 1986 Философия языка П. А. Флоренского. — *Studia Slavica Hungarica* 32 (1986) 1-4: 118-123.

Волошинов В. Н. (Бахтин)

- 1929 Марксизм и философия языка. Ленинград, Прибой 1929.

- Выготский Л. С.
1956 Мышление и речь. Избранные психологические исследования. Москва, Изд. А. П. Н. 1956.
- Clark K.- Holquist M.
1984 Mikhail Bakhtin. Cambridge, Harvard University Press 1984.
- Ferrari Bravo D.
1980 Aleksandr Afanas'evič Potebnja. — Strumenti critici [La cultura nella tradizione russa del XIX e XX secolo] 42-43 (1980): 563-584.
- Kauchtschischwili N.
1986 La cultura e l'unità dei cristiani in Pavel Florenskij. — Studi ecumenici 4 (1986) 3/4: 321-389.
1987 Pavel Florenskij teologo e cultore di cose artistiche. — Strumenti critici 1 (1987): 113-150.
- Lotman Ju.
1980 Testo e contesto, a cura di S. Salvestroni. Bari, Laterza 1980.
- Потебня Н. А.
1894 Из лекций по теории словесности. Харьков 1894.
1905 Из записок по теории словесности. Харьков 1905.
- Флоренский П. А.
1914 Смысл идеализма. Сергиев Посад 1914.
1923 Макрокосм и микрокосм (1922). — Богословские труды 24 (1983), 233-241.
1967 Обратная перспектива (1922). — Труды по знаковым системам 3, Тарту 1967, 381-416.
1972 Иконостас (1922). — Богословские труды 9 (1972), 83-148.
1982 Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях (1927). — Декоративное искусство 290 (1982), 25-29.
1985 Магичность слова. В кн.: P. A. Florenskij, Mnimosti v geometrii, Nachdruck nebst einer einfhurenden Studie von Michael Hagemeister. München 1985.
1986 "Антиномия языка" (Публикация и примечания Н. К. Бонецкой). — Studia Slavica Hungarica 32 (1986) № 1-4, 117-163.
- Имеславие*
Имеславие как философская предпосылка. (Труд объявленный в программе изд. Поморье как один из выпусков составляющих большую работу "У водоразделов мысли").

